

Как превратили день мира в день войны

Те, кто пережил Великую Отечественную, ненавидели войну. И привили ненависть своим детям. Но иммунитет разрушен тотальной ложью

09:48, 13 мая 2024,

Борис Вишневский*

обозреватель, депутат ЗакСа Петербурга

Парад Победы в Санкт-Петербурге. Фото: Александр Демьянчук / ТАСС

18+. НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ (ИНФОРМАЦИЯ) ПРОИЗВЕДЕН, РАСПРОСТРАНЕН И (ИЛИ) НАПРАВЛЕН ИНОСТРАННЫМ АГЕНТОМ ВИШНЕВСКИМ БОРИСОМ ЛАЗАРЕВИЧЕМ ЛИБО КАСАЕТСЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННОГО АГЕНТА ВИШНЕВСКОГО БОРИСА ЛАЗАРЕВИЧА.

«Только бы не было войны» — с этими словами прожили послевоенные десятилетия те, кто пережил Великую Отечественную. В том числе — мои родители, дедушки и бабушки (увы, уже ушедшие), на чьих рассказах вырос я, родившийся через десять лет после войны.

Еще лет 15–20 назад у меня была полная уверенность, что выработанный у общества иммунитет к войне — навсегда.

И не потому, что с крамольным нынче и изымаемым из официальных лозунгов словом «мир» мы дважды в год ходили на демонстрации, а потому что память о войне, горе и страданиях хранилась практически в каждой семье.

Как и когда иммунитет стал разрушаться, меня горестное «никогда больше» на чудовищное «можем повторить»?

Мой дед, ушедший на фронт из Ленинграда в августе 1941 года с Кировской дивизией народного ополчения и закончивший воевать в мае 1945 года в Восточной Пруссии, дослужился до высокого звания старшины. Он, считавший 9 Мая единственным и главным праздником, рассказывал о войне немного и неохотно.

Как немного и неохотно рассказывали мои родители, пережившие блокаду Ленинграда. Они тогда были подростками, вместе со взрослыми тушили зажигательные бомбы и дежурили на крышах, обходили в своих домах квартиры тех, кто уже не вставал, голодали и укрывались от обстрелов.

Мои близкие ненавидели войну.

Они понимали, что мир завоеван страшной ценой десятков миллионов жизней — и мало бы не показалось тому, кто при них бы завел пластинку «можем повторить».

Они ненавидели войну — и научили этому нас, своих детей и внуков.

В декабре 1994-го, когда началась первая чеченская война

(официально называвшаяся «контртеррористической операцией»), в России сразу же возникло серьезное антивоенное движение. В Петербурге у Казанского собора каждую субботу, на протяжении нескольких месяцев, проходили митинги.

Госдума в январе 1995 года создала комиссию по расследованию причин и обстоятельств чеченской войны, и эта тема постоянно звучала с парламентской трибуны.

Журналисты свободно писали, а политики свободно говорили о войне, в том числе — в федеральных эфирах.

«Солдатские матери» требовали прекращения войны, а опросы общественного мнения показывали, что против войны в Чечне выступают от 2/3 до 3/4 россиян.

Борис Немцов весной 1996 года привез президенту Борису Ельцину миллион подписей против войны, и той же весной, 30 марта, в Петербурге на заполненной Дворцовой площади проходил организованный «Яблоком» митинг против войны в Чечне, где выступали Григорий Явлинский, Игорь Артемьев, Александр Шишлов и другие политики.

В итоге войну пришлось останавливать — 31 августа 1996 года были подписаны известные соглашения в Хасавюрте.

А весной 1999 года, когда Госдума голосовала за выдвижение против Ельцина обвинений для начала процедуры импичмента, больше всего голосов (хотя и недостаточно — 283) набрало именно обвинение в начале чеченской войны...

Но потом ситуация начала меняться.

Отношение общества ко второй чеченской войне в 1999 году — после взрывов домов в Москве и Волгодонске — было уже иным, чем к первой, потому что многими она воспринималась как ответ на террористическую атаку.

Митинг против войны в Чечне, 2004 год. Фото: Виталий Белоусов / ИТАР-ТАСС

И отношение к «принуждению Грузии к миру» в 2008 году было уже иным — опять же потому, что многими это воспринималось как ответ на нападение на российских миротворцев.

Затем (особенно с 2014 года) память о Великой Отечественной

начали приспособливать к текущим политическим нуждам.

С заменой честного разговора о войне высочайше утвержденными канонами, в которых запрещено сомневаться (под угрозой обвинений в «фальсификации истории»), с лубочными «реконструкциями», изображающими исключительно победы, с вычеркиванием из истории Великой Отечественной «неудобных» эпизодов и лакировкой «удобных».

А на телевизионных часах ненависти стали приучать общество, прожившее многие десятилетия под лозунгом «только бы не было войны», к прямо противоположному.

С представлением страны как якобы «осажденной крепости», окруженной со всех сторон врагами, только и мечтающими покуситься на ее суверенитет и присвоить ее богатства. С рассказами о чудо-оружии, которое только и обеспечивает величие страны. С эфирами, где «эксперты» сладострастно рассуждали о ядерном ударе по ненавистному Западу, а ведущие грозили «ядерным пеплом». Что, кстати, в далеком 1969 году гениально предсказали братья Стругацкие в «Обитаемом острове».

«Государственная идеология в Стране Отцов построена на идее угрозы извне. Сначала это было просто вранье, придуманное для того, чтобы дисциплинировать послевоенную вольницу, потом те, кто придумал это вранье, ушли со сцены, а наследники их верят и искренне считают, что Хонти точит зубы на наши богатства. А если учесть, что Хонти — бывшая провинция старой империи, провозгласившая независимость в тяжелые времена, то ко всему добавляются еще и колониалистские идеи: вернуть гадов в лоно, предварительно строго наказав»...

Затем — с начала СВО — вся мощь государственной пропаганды оказалась направлена на то, чтобы максимально — в том числе

на уровне стилистики и слов-маркеров, вызывающих рефлекторное отторжение (таких как «нацизм»), — сблизить спецоперацию с Великой Отечественной, представив как ее продолжение борьбы с теми же врагами. И тем самым обеспечить ей полную поддержку.

Эти идеологические установки в непрерывном режиме транслируются в эфире — где нет никакого иного мнения о происходящем.

Нет никакого иного мнения в парламенте, в котором теперь полностью отсутствует оппозиция и где не то что предложить — никто не посмеет даже помыслить о каком-либо парламентском расследовании.

Нет никаких иных мнений на улице — потому что публичные акции (те, где может прозвучать критика власти, ведь у провластных акций проблем нет) находятся под запретом, а несогласие с мнением власти криминализовано и грозит репрессиями.

И вот 9 Мая нынешнего года в Петербурге на Невском прохожие фотографируются не только с военнослужащими — участниками СВО, но и с теми, кто несет флаг «Вагнера», в «агитпоездах» соседствуют фотографии времен Великой Отечественной и СВО, а деятели культуры уверяют, что, мол, деды не добились фашизм — теперь мы это делаем (правда, уверяют они в этом не из окопов)...

Оптимизм внушает только одно: даже в этой обстановке опросы показывают, что около половины (а то и больше) граждан поддерживают прекращение огня и переговоры.

Лишь в этом случае возможно возвращение от «можем повторить» к «никогда больше». Возвращение к подлинной — трагической памяти о Великой войне.

Памяти о страданиях и жертвах, которая всегда будет с нами.

И в первую очередь — памяти о тех более чем двадцати миллионах наших соотечественников всех национальностей, которые высшей ценой — собственной жизнью — вернули мир на нашу планету.

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[Раздвоение реальности или украденная память](#)

Уже в 2014 году 9 мая стал для многих сугубо частным событием, не имеющим никакого отношения к существующему государству

12:59, 10 мая 2024, Андрей Гронский

[Как он стал от нас далек...](#)

Присвоенный праздник

13:00, 10 мая 2024, Антон Орехъ